

Луну делают не только в Гамбурге

Каждому из нас в какой-то момент бывает невыносимо. По-разному люди переносят душевный дискомфорт. Я иду к моему хорошему знакомому, художнику, чтобы прийти в себя. Сажусь в глубокое кресло. За окном метель или дождь, а здесь — звонкая тишина. Так названа и одна из картин моего друга. А ещё: «Анютины глазки», «Сосновая роща», «Облако над озером», «Розы», «Хризантемы»... Посидишь, попьёшь чайку с хозяином, посудачишь о том, о сём, глядишь, будто в сердце розовой струйкой что-то влилось, просветлеет в измученной думами голове, чувствуешь, как оттаиваешь изнутри.

А зовут моего друга-художника Емельянов Владислав Павлович. Да не один я к нему наведываюсь. В его комнатухе встретишь и учёного мужа, и врача, и педагога. Ведутся добрые разговоры «под чай с пейзажем» о художниках, литературе, музыке. К каждому пейзажу — музыкальное сопровождение.

Картины Емельянов пишет... под музыку Чайковского, Баха, Бетховена. «Гроза в поле»: поражает, как поразительно и зримо можно материализовать разбушевавшуюся стихию.

Владислав улыбается:

— Помог Пётр Ильич Чайковский. Его Патетическая симфония, первая часть.

Вспомнил первую встречу с Владиславом в тот беспокойный июльский день. Шёл пешком из Щелканки, первой деревни от Переславля в сторону Москвы. Казалось, не только по небу, но и по земле понеслись чёрные с проседью тучи. Громыкнуло, и пошёл я прямо-таки спортивным шагом: скорее к остановке автобуса! Оставалось совсем немного, миновать любимое место отдыха переславцев — Касарку, а том под горку, под горку...

Но деревья пуще заволновались, и я, подгоняемый сумраком, через овраг, колкий чапыжник бросился по хитросплетениям акации и путанке кустарника к редколиственным дубам. Прислонился и... забыл про дождь.

Метрах в двухстах в поле над чем-то усердствовала небольшая фигурка в плаще, берете, под громадным зонтом, который ошалело раскачивался из стороны в сторону, пока наконец не захлопнулся и не упал на землю. Из леса выскочил грибник с корзинкой и, подгоняемый дождём, рванул в мою сторону. Размазывая по лицу ёлочную труху и снимая с века уцепившегося муравья, произнёс, кивнув в поле:

— Дунутый... художник. Вот она, охота пуще неволи... Рисовал бы в солнышко, в ясный день.

Мы сверлили глазами копошащуюся фигурку, которая споро, но без паники складывала треногу, этюдник, упаковывала огромный зонт, повесила этюдник рюкзаком за спину, ещё раз посмотрела в сторону леса и засеменила к нам.

— Дома рисовал бы, — встретил замечанием грибник подошедшего.

Он, промокший, наверное, до последней нитки, улыбаясь, произнёс:

— Хорошо. Ветер что надо... Деревья. Давно о таком пленэре мечтал.

Я-то, может быть, понял его настроение, а вот грибник подмигнул, мне, показав кончик языка.

Через некоторое время просветлело, мы шли рядом и говорили обо всём и ни о чём поначалу, а потом о его персональной выставке в местном художественном музее. Я на ней тоже был, читал отзывы переславцев, туристов... Обратил внимание на похвалу заместителя министра геологии, который восхитился пейзажами — грустными и печальными «Туманом над Соротью», «Черёмуховыми холодами», озёрными этюдами... Я его спросил о членстве в Союзе художников.

— Не хватит здоровья и лба, чтобы пробить железобетонные стены, — ответил. — Да и кто особо поддержит? Выставку посетил секретарь горкома, сказал, что и тысячу лет назад так рисовали. В каком времени ты живёшь? — спросил. Хоть бы трактор изобразил или электроопору. А я их, если они есть, стараюсь не рисовать. Меня живая природа интересует... Душа моя — в пейзаже.

Как и каждый художник, пробавлялся работой на химзаводе, оформляя доски почёта, корпя над лозунгами, подменял, когда просили, кассиров и дежурных. Прислушивался к грустным разговорам коллег о ненужности в наше время их профессии, но не опускался до уровня пессимистов и отрицательно относился к «выпивону» от безысходности. В 40 лет, уйдя на инвалидность из-за больного сердца, не захандрил, не бросил кисть. Существова много лет на пенсию в 50 рублей, живёт в мире людей, которые ему помогают за то, что он творит.

У него всегда найдётся что-нибудь такое, развеселит, удивит. Каждый месяц рождаются восхитительные пейзажи — места-то наши невообразимо красивые, пришивинские.

О Владиславе можно сказать: он сделал себя сам. Нелегко приходится талантливым ребятам в неблагополучных семьях. Его мать требовала, чтобы он не художничал, а рисовал то, что она скажет, и на базар — за бутылку. Но у него не лежала душа халтурить, продолжал учиться, ходил пешком за восемь километров в школу. Потом — армия. Отслужив, закончил десять классов и поступил в художественное училище. И всю жизнь делал так, как считал нужным.

Владислав — неперенный участник выставок, которые организует объединение «Славич», призёр, лауреат. А в будущем году его этюды будут представлены в красочном календаре массовым тиражом.

Как каждый самобытный творец, он не лишён пикантной странности: никогда и никому не продаёт своих картин и этюдов. Может подарить, если ему кто-то понравился. Коллеги, ознакомившись с его работами, нередко восклицают: «Да ты только на Арбате появись! Да если американцы увидят, японцы с руками оторвут!»

Можно поверить: летом на выставке он встретил американцев, и впечатлительная Джуди Фрито не могла оторвать глаз от этюда «Вьюнок и розы с воробышком», потом решительно подошла и предложила доллары. Но он ей объяснил, что картина не продаётся, и просил не обижаться. Восхитившись этюдом «Анютины глазки в парижской чашке», Джуди горячо обняла его и какое-то время не могла выговорить ни слова. Нередко растроганные увиденной красотой посетители покидают его выставку с увлажнёнными глазами. «В красоте — спокойствие и гармония», — объяснял великий Рерих.

Многое Владиславу Павловичу не удалось в жизни. Но он творит свой мир совершенства и гармонии. Ему близок поэт Д. Кугультинов: «Верь, дружок, красоте, как любви, никаких оправданий не надо!»